VI 1976

1 7 7

ТУ 19—32—73

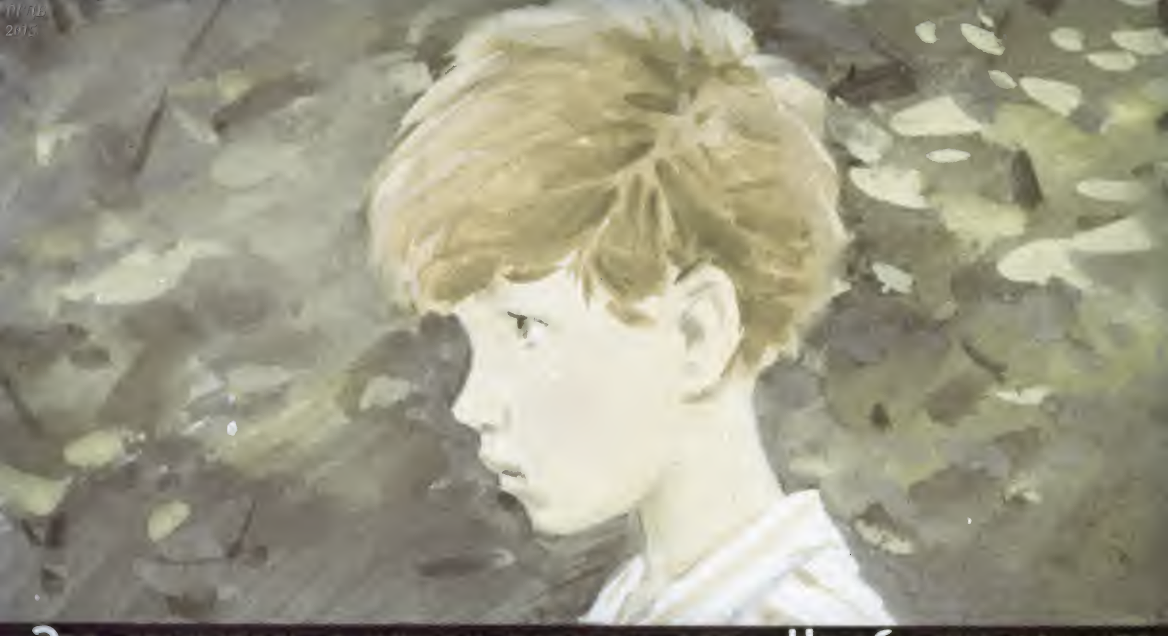
8

1

студия
ДИАФИЛЬМ

08—3—011

РГДБ 2015
В. ЖЕЛЕЗНИКОВ
Я - РЫЖАЯ
Художник Б. Игнатьев

Это случилось в нашем детском саду. Не-обы-кно-вен-ная ис-то-рия! К нам пришёл новенький. Он был рыжий! Но какой! Я лично таких рыжих в своей жизни ни разу не встречала. Какой-то огненный шар из рыжих волос: они закрывали ему лоб, падали на глаза, завивались около ушей и стояли густым заборчиком на затылке.

Когда я его увидела, то просто онемела. — «Рыжий! — с трудом выдавила я и попросила: — Можно я тебя потрогаю?» — «Потрогай», — согласился новенький.

Я протянула руку к его волосам, а кто-то из ребят крикнул: «Осторожно, горячо!»

Когда вечером дома мы сели ужинать, то я сразу выпалила: «А у нас в детском саду новенький. Он рыжий!» — Никто из наших не удивился, а папа спросил: «Ну и что?»

— Как что?—затараторила я.—Рыжий знает всё. Он придумал историю про мальчика-великана. Такую и по тéлеку не увидишь. Он уже был в Индии и катался там на слонах.

А в это время в комнату ворвался Владик, мой старший брат, моя гордость, и услышал только последнюю фразу про Индию.—«Кто был в Индии?»—спросил Владик.

—«Новенький из Катиного сада»,—сказала мама.—«Да нет,— возмутилась я.—Это мальчик-великан был в Индии, которого рыжий придумал... Он высокий, как взрослый. Он боксёр, умеет играть на гитаре и петь».

—«А как зовут знаменитого рыжего мальчика?»—спросил папа.—«Не знаю»,—ответила я.—«Но у него же есть имя,—не отставал папа.—Не может быть мальчика без имени».—«Неужели ты не понял,—удивилась я.—Он же просто Рыжий».

И вдруг папа как вспылил и стукнул кулаком по столу: «Дразнить рыжего «рыжим» — это низко и подло». — Тут я в ответ тоже вспылила: «Никто никого не дразнит. Просто он рыжий, и всё! А если я самая младшая в семье, то это не значит, что меня можно не слушать!»

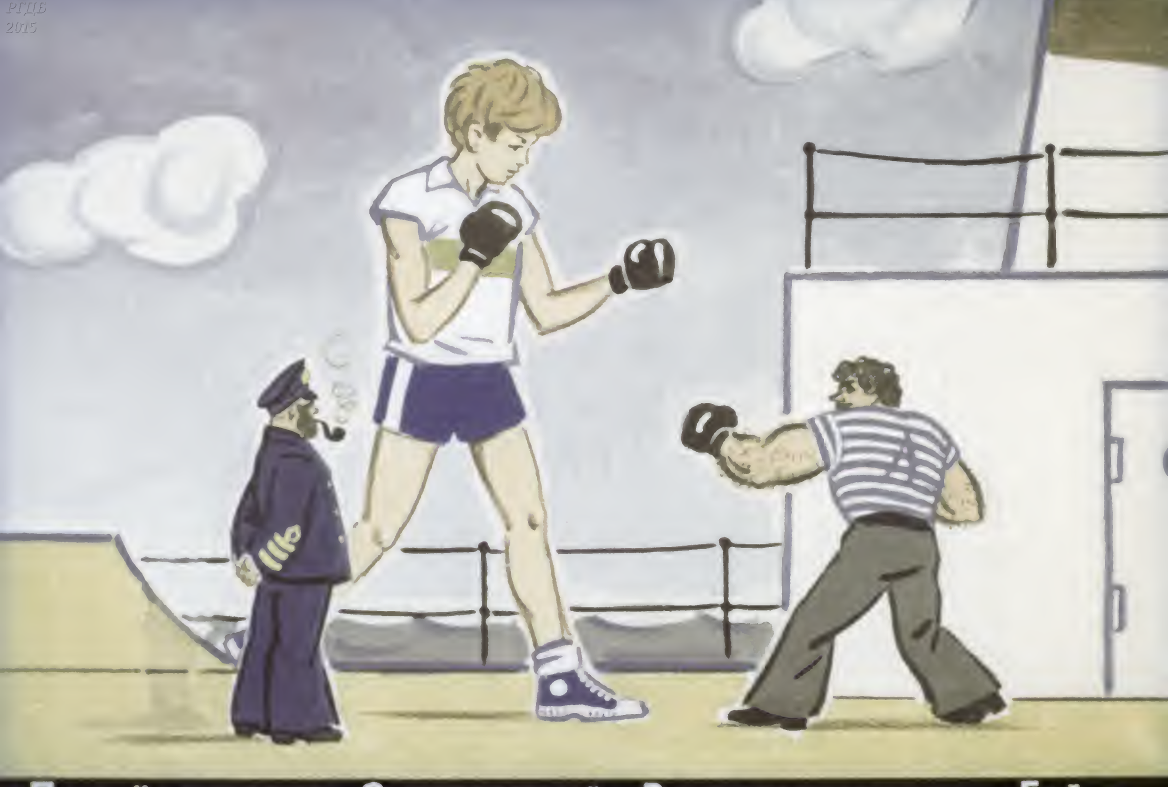
И я выскочила из комнаты. В этот момент я почему-то вспомнила, как новенький вздрогнул и втянул голову в плечи, когда я назвала его рыжим.

Ночью мне приснился сон, будто я пришла с рыжим мальчиком-великаном на корабль, чтобы плыть в Индию.

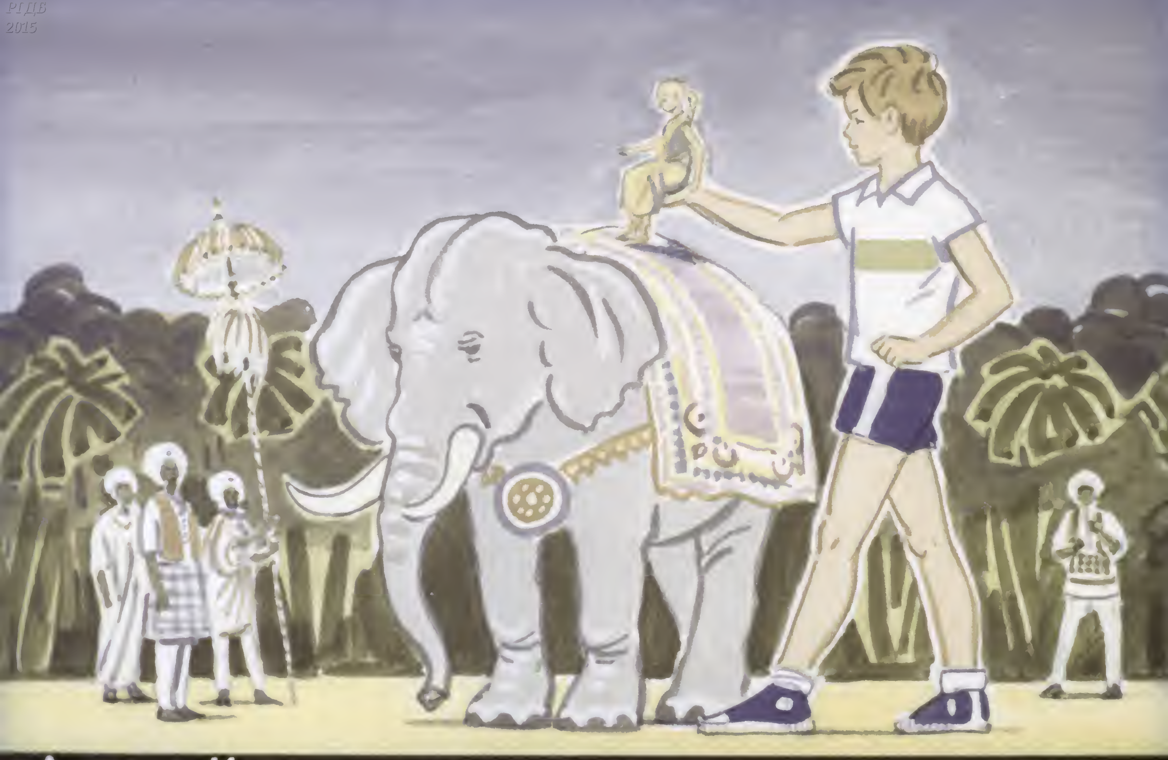
А капитан спрашивает мальчика-великана: «Сколько же тебе лет... Десять?..» — «Ха-ха-ха, — отвечает мальчик-великан. — Мне уже стукнуло восемнадцать». — «Сейчас проверим, — говорит капитан и зовёт: — Здоровяк, иди сюда!»

Пришёл матрос. Здоровенный. Руки волосатые. — «Бой, — приказал капитан. — По всем спортивным правилам».

А мальчик-великан — раз! Матрос и упал на палубу, как подрезанный. После этого нас сразу взяли в команду, и мы поплыли в Индию.

А там, в Индии, рыжий мальчик-великан переодел меня во всё индийское, поднял одной рукой над землёй и посадил на спину слону.

На следующий день в садике я узнала, что новенького зовут Мишкой, подошла к нему и сказала: «Мишка, а мне приснился твой мальчик-великан. Мы с ним на слонах катались».—Ему понравилось, только он не удивился.

Зато он нас каждый день удивлял своим мальчиком-великаном. Он был у него и водолазом, и автогонщиком, и милиционером, который ловил самых страшных бандитов.

А потом в детский сад вернулся после болезни Димка. Он был среди нас самый смелый и самый старший. Ему уже было почти семь лет. Мы его все любили и всё делали, как он хотел.

Один раз, когда мы бегали на перегонки, он упал и выбил себе зуб. И даже не заплакал. Он гордо выплюнул этот зуб. Мы сбежались и встали над Димкиным зубом.

Зуб лежал в песке и светился на солнце. Я попросила у Димки: «Димка, можно я возьму твой зуб на память».— И он мне разрешил.

Тут Димка ткнул пальцем в Мишку: «А это кто такой?» — «Новенький», — сказала я. — «Ну и рыжий». — Димка засмеялся и толкнул Мишку. Тот вздрогнул и втянул голову в плечи.

Мне это вдруг сильно не понравилось.—«А ты не толкай-ся,—сказала я Димке.—А то я толкну, костей не соберёшь».

Димка захохотал. А я выбила языком свой передний зуб и выплюнула его Димке к ногам. У нас теперь у всех качались зубы, и мы умели плеваться ими не хуже Димки.

После этого я сказала Мишке: «Пошли, ты нам доскажешь, как мальчик-великан путешествовал по Африке».

И мы все убежали, а Димка остался один. Димка долго шлялся по двору, пока не заметил за забором собаку.

Он отодвинул доску в заборе, втащил собаку

и бросил её прямо на спину Мишке.

Мишка от неожиданности вскочил и... испуганно попятился. А собака увидела, что он её боится, и залаяла.

Мишка совсем перепугался и как побежит! А собака за ним и всё старается схватить его за пятки...—«Ату его, ату рыжих!»—закричал Димка и бросился вдогонку. И все побежали следом. И смеялись, и кричали.

С этого дня Мишка потерял свою славу. Его опять звали просто «рыжий», но самое главное, он отзывался на эту кличку. И мы перестали слушать его рассказы про мальчика-великана. У меня лично пропал к этому всякий интерес. Что слушать сказочки про храбреца, когда сам Мишка — последний трус.

Мишка стал у нас носильщиком. Каждый мог его послать, чтобы он принёс самоходный грузовик или мяч.

И даже я один раз приказала ему: «Рыжий, принеси мне прыгалку».—«И ты тоже!»—сказал он. Глаза у него наполнились слезами, он повернулся и убежал.

На следующий день Мишка влетел в детский сад, сдёрнул шапку и громко сказал: «Смотрите все!» — Рыжих волос не было — он остригся наголо.

Ребята окружили его и стали гладить по голове. И я погладила. Голова у него была какая-то холодная и блестящая, как каменная.—«Теперь никто не скажет, что я рыжий!»— победоносно крикнул Мишка.

И тут же раздалось со стороны: «Рыжий!» — Это его окликнул Димка, а Мишка по привычке оглянулся. Получилось, что голова у него не рыжая, но он всё равно помнит, что он рыжий...

Именно в этот момент я решила тоже стать рыжей! Чтобы Мишка был не один. По-моему, я здорово придумала!— «Владик,—подумала я.—Вот кто мне поможет!»

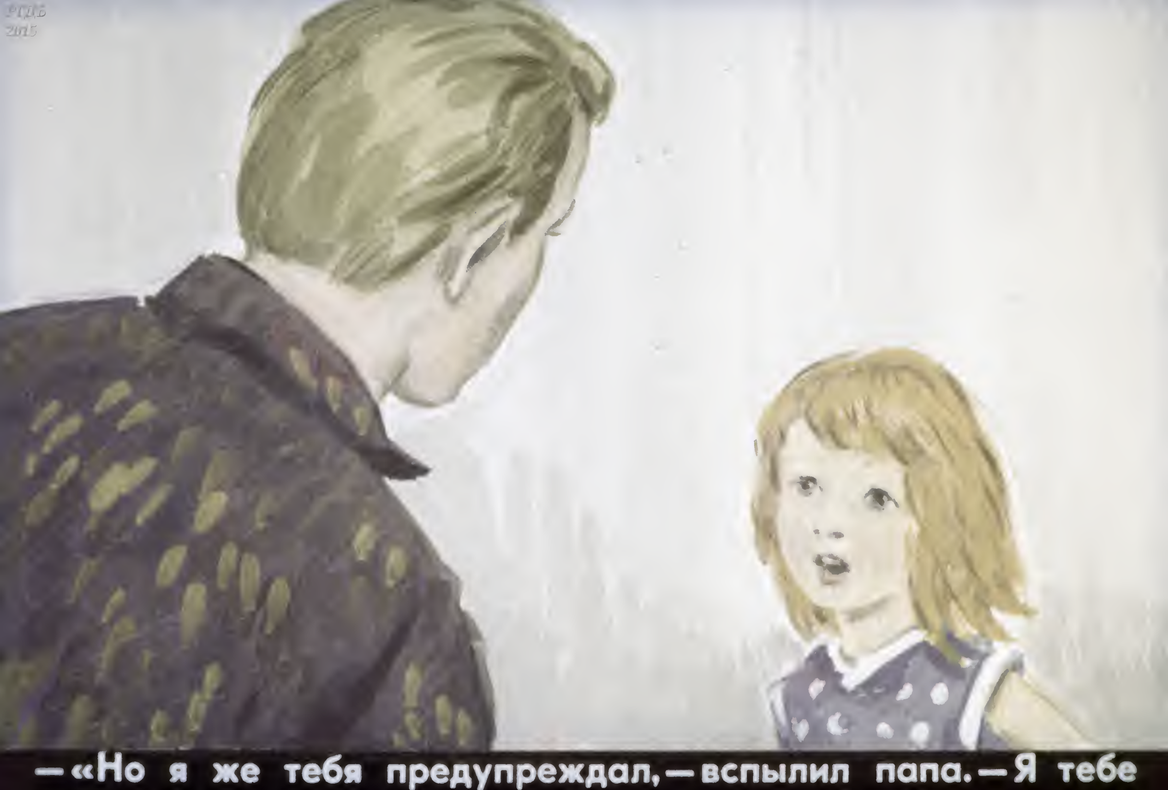
—«Представляешь, какой будет фурор в детском саду?»— спросила я Владика.—«Догадываюсь,—ответил Владик.—А какой дома будет фурор, ты представляешь?!»—«Догадываюсь»,—сказала я. У меня внутри всё похолодело, неужели откажется?

Владик почесал затылок.—«Ну, ладно,—согласился он.—Была не была».—Мы с Владиком так торопились, что перекрасили мне не только волосы, но лоб и щёки.

И тут появились папа и мама... и сразу стали так кричать, что ничего нельзя было объяснить. Больше попало, конечно, Владику. Потом нам всё же удалось им всё рассказать.

—«Но я же тебя предупреждал,—вспылил папа.—Я тебе говорил, что дразнить—это подло и низко!»—А я в ответ не вспылила, а тихо сказала: «Папа, ты прав».

И вдруг папа совершенно спокойным голосом сказал маме: «Знаешь, что-то в этом есть... Ну, скажем, благородное».

Я бросилась целовать папу, пока он не передумал. Ведь он необыкновенный! Не каждый папа согласится на такое дело!

А на следующий день я вбежала в детский сад, сдёрнула шапку и крикнула: «Смотрите на меня все!»

И все стали смотреть. А я закрутилась волчком, чтобы мои волосы растрепались, чтобы их стало больше, чтобы всем было видно, какая я огненно-рыжая.

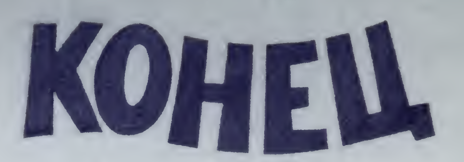
Ребята окружили меня.—«Ты что это?»—спросил Димка.— «Тоже стала рыжей»,—ответила я.—«Вот дура»,—сказал Димка. Я громко-громко рассмеялась, чтобы Мишка услышал.

И Мишка услышал и двинулся в нашу сторону. Ребята расступились перед ним.

—«Рыжая,—попросил Мишка,—можно я потрогаю твои волосы?»—«Потрогай»,—ответила я.

Редактор Т. СЕМИБРАТОВА
Художественный редактор В. ИВАНОВ

Студия «Диафильм» Госкино СССР, 1976 г.
101 000, Москва, Центр, Старосадский пер., д. № 7

Цветной 0-30

Д-130-76

